

Содержание:

image not found or type unknown

Введение

В эпоху средневековья понятие слова формируется в религиозных учениях. Для средневековых ученых слово воспринималось как символ, знак который служит проводником к значению священных текстов и указывать на реалии духовной жизни. Христианская семиотика создала большую проблему в понимании откровения, из-за своей многозначности интерпретации символов и знаков. Люди терялись во множестве значений и смыслов, что приводило к необходимости посредничества Церкви и ее ученых. Слова как часть языка, утрачивали внутренней определенности и растворялись в тумане метафор, в контексте Священного Писания, а язык мог сиюминутно изменяться. Все это требовало решения и установления того, как написанное, материальное, согласуется с тем, что не выражено словами в тексте.

Основная часть

Первое, что собирался предпринять Августин – это подробно рассмотреть языковые формы, для того чтобы преодолеть различия между словами и их пониманием, избавиться от неограниченного истолкования слова, чем устранить от произвольных истолкований текста Откровения.

Рассуждения Августина основываются на том, что «существует три рода предметов, в которых обнаруживается объективно-разумное. Во-первых – в действиях, направленных к какой-либо цели, во-вторых – в словах, в-третьих – в удовольствиях».

Августин считал первоисточником всех различий в понимании слова неспособность увидеть внутреннюю языковую форму, присущую имени. Он утверждает, что внутренняя форма, использует звуковую и начертательную форму для обозначения

вещей и выражения предметного содержания. А внутренняя форма предмета – это смысл предмета в реальности языкового бытия. Подтверждая свои слова приводит в пример красоту стихов Вергилия: «...мы хвалим их звучание за одно, а их смысл – за совсем иное; и не в одном и том же смысле говорим: разумно звучит и разумно сказано».

Поэтому представление о форме слова у него простирается за пределы словообразования, поскольку в его рассуждении подразумевается применение логических категорий и взаимосвязей: « всякая вещь, которая имеет форму (formata), но и всякая вещь, способная к принятию формы (formabilis). Оформленное (formatum) отличается от того, что способно принять форму (formabile) тем, что оформленное уже приняло форму, а способное к принятию формы еще только может получить ее».

По этому постичь смысл слова можно лишь поняв его внешнюю форму, знак, который Августин называет «звуковым символом». Из-за чего человеческий разум и создал письменную речь, обозначив все звуки. Но сделать этого он не смог, если бы множество вещей были безграничным. Августин считает, что даже если в процессе познания разум человека предпримет исключить «всякий остаток формы» и представить что то бесформенное, ему это не удастся. Он считает что в том что не имеет формы невозможно ничего воспринять и осмыслить. Из-за чего Августин считает верным идти от знака к истине, допускающей многозначное выражение и предполагающей наличие «разнообразия правильных мыслей», к балансу в итоге их может привести только Бог.

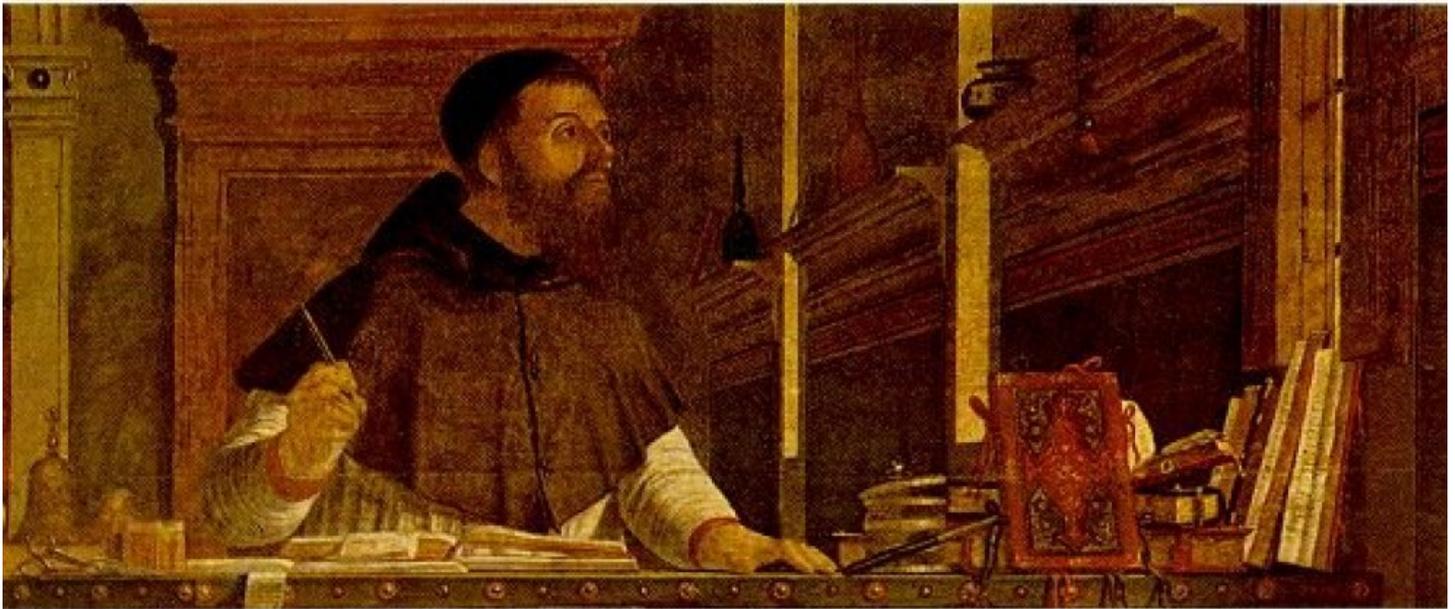
Спецификой изучения откровения является внимание к самому тексту, в таком подходе смысл понимания не может быть заключен лишь в смысле писавшего или читающего со своим истолкованием, а в направленности поиска истины, просматривающимся в Откровении.

Прежде всего Августин задается вопросом: каким принципам следовал бы он, чтобы передать речь Бога? И отвечает на него: «Если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в словах моих отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой, отчетливой мысли, исключаяющей все другие, ошибочность которых меня не могла бы смутить». Из этого следует, что сущность понимания заключена в том, чтобы в многогранности и многомысленности истины уловить единственное верное знание. И это означает, что процесс восприятия текста направлен на личность, которая изначально предопределена Богом, Августин говорить о том, что «понимать ум должен в той мере, в которой он может приблизится и приобщиться к неизменной истине».

При этом Августин признает возможность того что познающий может отклониться от догматических вероопределений и вероятность заблуждения и признает необходимость создания способов контроля, при которых без внешнего

вмешательства мысль человека самостоятельно будет возвращаться к истине. Понимая всю сложность задачи он задается вопросом: в какой сфере искать неизменный смысл, не меняющийся на всех ступенях познания и сохраняющийся в знаковом выражении, во множестве вероятных способов интерпретации текста? Он пишет: «... достаточно ли от видимого древнего относить ее к видимому же но более новому, или к природе и движениям души, или же к неизменной вечности; имеют ли один из них значение действий видимых, другие – душевных движений, третьи – закона вечности, или же есть некоторые и такие, в которых следует искать все это одновременно? Какая вера тверда – историческая ли и временная, или духовная и вечная, - к которой должно быть направлено всякое истолкование авторитета? Что способствует пониманию и достижению вечного, в котором заключается цель всех добрых действий и достоверность временных предметов? Какое различие между аллегорией исторической, фактической, аллегорией речи или аллегорией таинства? Как следует понимать саму речь Божественных писаний согласно особенностям, свойственным каждому языку? Ибо каждый язык имеет некоторые свои собственные обороты, будучи переведены на другой язык, являются нелепыми».

Августин понимал возможные обвинения в недостаточности аллегорического способа объяснения Писаний, поэтому нередко обращался к метафоре, которая не может сильно изменить текст, но может при этом усилить содержательность и облечь даже самые умозрительные понятия в живые формы, придавая речи отчетливость. Также он предлагает использовать тропы, которые помогают истолковывать двусмысленности, встречающиеся в Откровении.

Так, все что входило в область риторики, ориентированной на решение сугубо практических задач, продиктованных жизненными обстоятельствами, и могли способствовать преодолению неясностей священного писания, открывая перед христианским философом и проповедником, возможность для объяснения метафизических вопросов, и помогая выразить этическую сторону христианства и переживания личного духовного опыта. В конечном счете риторика Августина становится теологией.

Он пытается объяснить красноречие Откровения средствами античной риторики и диалектики, которые он считает действенными способами прояснения фрагментов за пределами мышления человека, Августин создает искусство понимания сакральных текстов. Он утверждает: что оказалось непонятым в одном фрагменте, будет выражено в последующем месте, поскольку корпус Священного Писания он понимает как последовательное целостное изложение вероучительных истин. Поэтому Августин приходит к выводу о том, что более действенным является не сопоставление Ветхого и Нового Заветов или различных переводов, но сравнение смыслов, подразумеваемых авторами Писаний или переводчиками, что по мысли философа, и является залогом верного понимания.

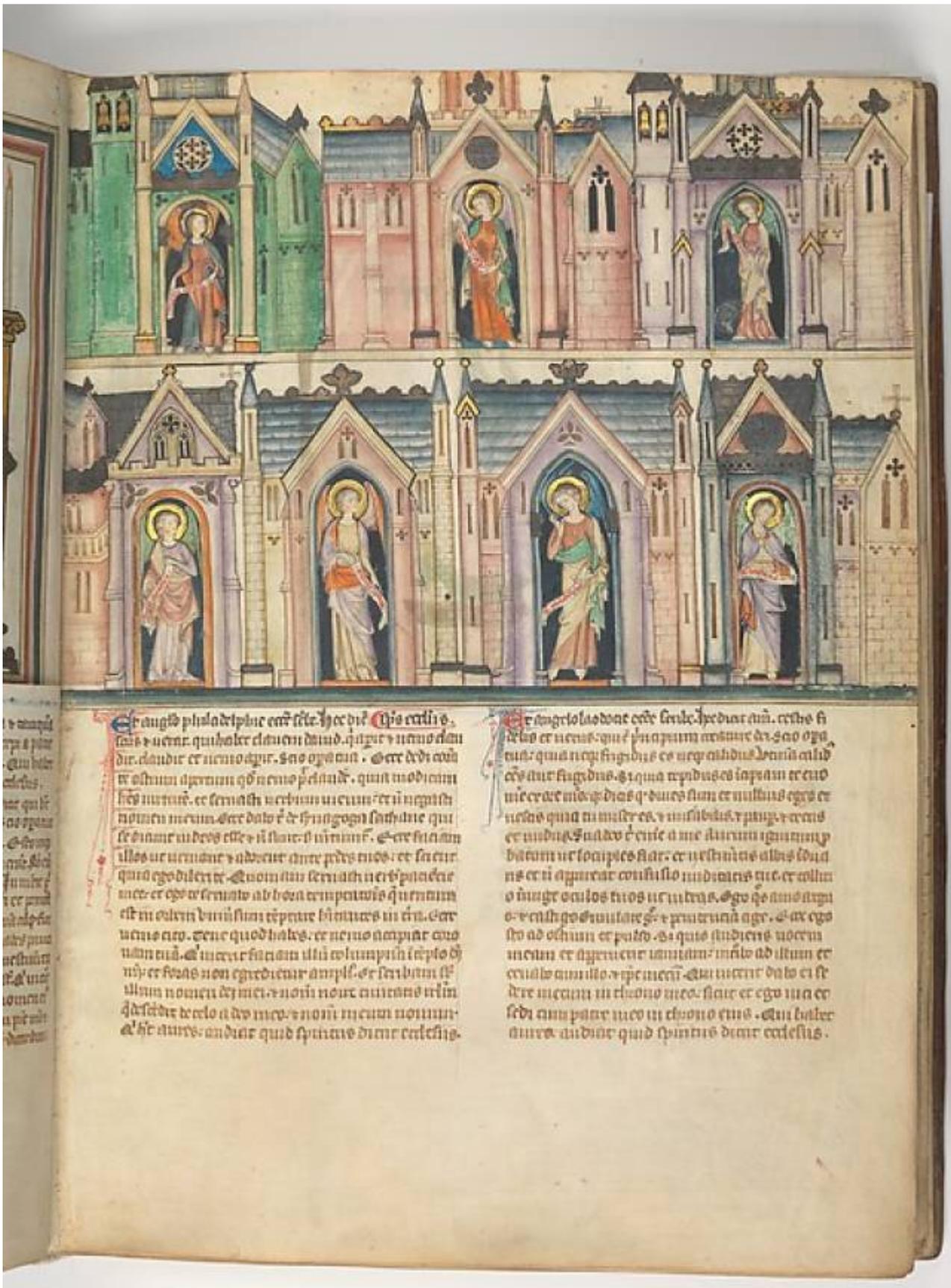

Для этого необходимо установить значение ключевого слова, ведущего к пониманию рассматриваемого фрагмента. Августин развивает идеи Платона, осмысливая их с другой позиции. Античный философ говорит о том, каким образом слова как понятия обретают и меняют свое значение в зависимости от их местонахождения в тексте. В диалогах Платона, Сократ постоянно возвращается к проблеме поиска знаний. Настаивая на том, что нельзя упускать из поля зрения «надежное и верное основание», установленное в процессе прояснения смысла, которое и ведет человека к пониманию истинного содержания. Сократ пытается установить значение имен из их причины, при этом утверждая, что не может назвать причины хотя бы одной из вещи, заявляя: «Я не решаюсь судить даже тогда, когда к единице прибавляют единицу, - то ли единица, к которой прибавляли другую, стала двумя, то ли прибавляемая единица и та, к которой прибавляю, вместе становится двумя через прибавление».

Философ говорит: «Если же кто ухватится за сам основание, ты не обращай на это внимания и не торопись с ответом, пока не исследуешь вытекающие из него следствия и не определишь, в лад друг другу они звучат. А когда потребуется

оправдать само основание, ты сделаешь это точно таким же образом – положишь в основу другое, лучше в сравнении с первым, как тебе покажется, и так до тех пор, пока не достигнешь удовлетворительного результата. Но ты не станешь валить одну кучу, рассуждая разом и об исходном понятии, и о его следствиях». Здесь Сократ показал один из вариантов сравнения смыслов.

Августин считает метод сопоставления смыслов невозможным без установления истинного значения слов, которые в Откровении употребляются в разных значениях при одинаковом написании. Эта проблема представляется ему сложной для разрешения, из-за отсутствия адекватного истолкования таких слов, имеющих ввиду конкретные предметы или определенные вещи, текст будет неизбежно терять смысл. Он определяет два способа «наблюдения за разнообразием значений» и предлагает их на противоположные и различные. Так, Августин настаивает на том, что «значения противоположны, когда одна и та же вещь по сходству утверждается то как благая, то как злая... Подобным образом змей понимается как благое: «будьте мудры, как змии» (Мф. 10:16), - и как злое: «Змей хитростью своей прельстил Еву» (2 Кор. 11:3)». Вещь с различными значениями полагает Августин, необходимо постигать в зависимости от контекста.

Наряду с аллегорическим методом истолкования текста Откровения Августин прибегает к объяснению метафорического смысла библейских высказываний.

Вследствие чего фундаментом его учения о символе оказывается риторическое искусство, основанное на диалектике, оказывающей возможности для объяснения реалий божественного и обращающей человека к истине. Возникающие неясности и их причины необходимо прояснять при помощи знака. В результате работы Августина риторика и грамматика оказывается в сфере теологии.

В рамках концепции лингвистического символизма Августин констатирует проблему понимания, которая базируется на исследовании знаков. Здесь же Августин формирует и собственный метод установления истины, основанный на сравнении смыслов, таким образом, он стремится создать универсальный язык постижения текста.

Августин говорит о том, что сосредоточенность на собственной внутренней жизни побуждает читающего искать в словах то, что представляет для него личный смысл, и каждый человек обладает индивидуальными способностями восприятия. Он прослеживает связь между мыслительными процессами и горизонтом интересов человека. На основании этого Августин допускает как предпосылку множественность смыслов и выражения, но не двойственность истины, как отмечают некоторые исследователи, поскольку он ясно говорит о том, что истина может открываться человеку по-разному, сообразно с его особенностями восприятия